

К 100-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
БЕРНАРДА ШОУ

НАШ ДРУГ

Память подобна старинной игрушке — волшебному фонарю. Вдруг на дне сознания вспыхивает яркий свет, и словно на белом экране проходят, оживая, картины прошлого.

Это было двадцать пять лет назад. Москва 1931 года. Летний вечер. В небольшой гостиной два замечательных человека нашего времени. Один — высокий, прямой, с характерным по живости и выразительности лицом и седой бородой, известной во всем мире по газетным и журнальным портретам. Ему много лет, но в глазах, быстрых, чуть-чуть лукавых, — почти юношеский задор. Это Бернард Шоу. Он пришел в Советский Союз, чтобы увидеть великую стройку страны, горячим приверженцем которой стал чуть ли не с первых дней Октября.

В кресле напротив сидит, по обыкновению откинувшись назад, плотный, среднего роста человек, весь вид которого полон особого, сразу осязаемого обаяния. Его голос, богатый по тембру, обличает незаурядного оратора, и вместе с тем во всем облике собеседника Шоу нет никакой позы или надуванности.

Внимательно вслушиваясь в беседу Бернарда Шоу с А. В. Луначарским. Английский писатель до краев полон впечатлениями от Москвы и московской жизни. В советской столице он отметит 75-летие со дня своего рождения.

— Я известный парадоксалист, — говорит Шоу, — и поэтому хочу, как самый старый писатель, провести свой праздник в самой молодой стране мира.

Анатолий Васильевич улыбается, и в ответ ему улыбка, своеобразная и неповторимая, озаряет лицо Шоу. Теперь становится ясно, что у этого сердитого, иногда даже желчного обличителя старого мира много доброты и человечности.

Говорят обо всем: о политике, эко-

номике, науке, но, естественно, разговор всякий раз приводит к литературе, искусству, театру. Луначарский уже много лет пристально следил за творчеством Шоу и каждый раз со свойственной ему доброжелательностью, но всегда принципиально, порой резко он писал об ошибках и «реформистских заблуждениях» знаменитого драматурга. И в этот раз Анатолий Васильевич, не стесняясь, высказал своему гостю мысль о том, что последние произведения Шоу, в том числе «Святая Иоанна», шедшая в Москве в Камерном театре в 1924 году, неудачны и не очень созвучны нашему времени. Шоу попросил сказать об этом подробнее. Так начался поединок, в котором если Шоу и не признал себя побежденным, то во всяком случае внутренне решил, что «партия сыграна вничью».

— Я не думаю, что вы хотели написать строго историческую повесть, — говорил А. В. Луначарский. — Для вас идея была дороже точности, но что получилось? Вы реабилитировали средневековье, инквизицию для того, чтобы возвеличить Жанну д'Арк. А она у вас получилась сельской барышней и националисткой.

Шоу возражал слабо, в его улыбке была даже какал-то растерянность. Наконец он сказал:

— Мне хотелось осмеять захватчиков, и я это сделал. Но я согласен, что в таком виде моя пьеса не подходит. Вам надо ставить «Ученика дьявола». Я его писал, когда был моложе, в нем много резкости, решительности, а главное — все планы сдвинуты, добро и зло смешано, словом, там Шоу в бесприемном виде.

И он стал расспрашивать, какие его пьесы шли и идут в России. Мы могли сообщить ему, что он принят на русской сцене уже около двадцати лет. Я припомнил, как в апреле 1915 года в Петербурге труппой Александринского театра был поставлен «Пигмалион». Режиссером был Мейерхольд, который на сей раз отказался от всяких «излишеств» и очень просто, реалистически показал комедию Шоу.

Из других пьес Шоу в те же годы шла в Петербурге комедия «Первая пьеса Фанни» (в русском переводе — «Ее первая пьеса»). Центральную роль девушки-суфражистки играла Л. Яворская. Ее резкий голос и острые угловатые жесты как нельзя больше соответствовали сценическому образу героини. Однако эта комедия, довольно сложная, развернутая в двух планах — «театра на театре», особого успеха в России не имела. Еще раньше П. Гайдебуров в своем Передвиж-

ном театре поставил очень тонкую, психологически изощренную комедию «Кандида».

Шоу с интересом слушал об этом и под конец сказал:

— Я думаю, что из всего моего репертуара вам все-таки больше подойдут «Пигмалион» и «Ученик дьявола». В этих комедиях больше всего «common sense» («здорового смысла», «здорового рассудка»).

Примерно через год после этой встречи Анатолий Васильевич вспомнил об «Ученике дьявола» и посоветовал мне перевести эту пьесу заново. Мы решили предложить пьесу Ю. А. Завадскому, и он охотно согласился взять ее для «театра-студии», ютившегося тогда в подвале в Пушкинском переулке. К тексту Шоу был добавлен финал, который как бы подводил итог всему спектаклю: когда сложные ситуации уже определялись с достаточной очевидностью и все сюжетные узлы были разрушены, под оглушительный взрыв петарды, в свете бенгальского огня появлялся... сам Шоу. Он ласково собирал вокруг себя своих детей — созданные им персонажи, и обращался к ним с краткой речью, заимствованной из его же комментария к «Ученику дьявола».

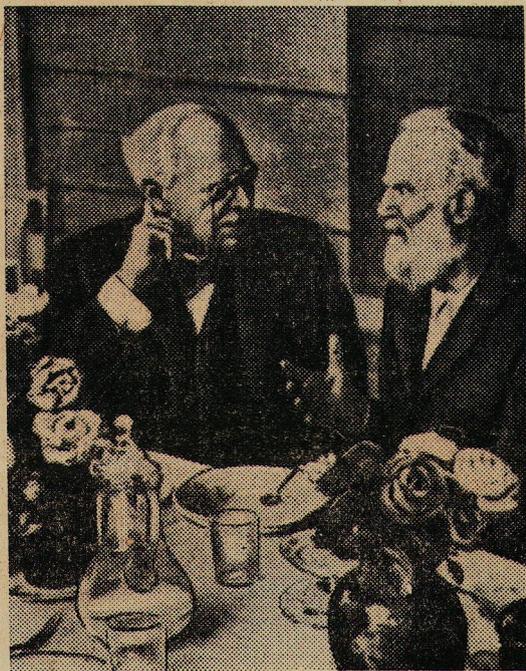
Такой смелый эксперимент, на который пошли и постановщик Ю. Завадский и весь актерский коллектив, несколько тревожил театр. Как-то отнесется Бернард Шоу к такому своеволию?

И Мордвинов (Ричард), и Гетманов (пастор Андерсон), и Алексеева (пасторша), и Абдулов (Бергони), и Плятт (Шоу) составили прекрасный ансамбль для этой живой, волнующей и острой постановки. Спектакль шел с исключительным успехом. За несколько сезонов он выдержал более шестистот представлений.

И как-то пришла мысль — просить А. В. Луначарского, который посвятил восторженную статью этому спектаклю, послать свою рецензию Шоу, а заодно подробно рассказать о созданном театром финале и послать снимки спектакля. Эта просьба была выполнена. Из Лондона пришел ответ. Повидимому, письмо Шоу, адресованное Луначарскому, затеряно. Но смысл его запомнился довольно точно: Шоу благодарил за постановку, жалел, что возраст не позволяет ему снова приехать в Советский Союз. Что касается финала, то он его находил вполне уместным, а появление самого автора на сцене считал удачной выдумкой. Он к этому добавил, что Шоу в исполнении Плятта ему нравится больше, чем настоящий Шоу, хотя бы потому, что он значительно моложе и, вероятно, здоровее.

Если Бернард Шоу всегда хранил искреннюю любовь и дружбу к нашей стране, то и советские люди отвечали ему тем же. Можно с уверенностью сказать, что, несмотря на мировую славу Шоу, он нигде не стал таким желанным драматургом, как на советской сцене.

Александр ДЕИЧ.

Бернард Шоу и К. С. Станиславский в санатории «Узкое» в 1931 году.